

У Нин Сянлана всё шло как по маслу, чего нельзя было сказать о Фу Мянэ. Как бы тот ни пыхтел, его глина упорно не желала слушаться, превращаясь то в нелепый кособокий комок, то в нечто совсем бесформенное.

Заметив, что мальчик вот-вот разрыдается, Ху Гуанмин насупился и строго произнёс:

— Что за нюни? Настоящий мужчина не станет реветь из-за такой ерунды! — Он присел напротив Фу Мянэ, беря его ладони в свои. — Ты бы знал, каким я сам был недотёпой в твои годы. Что ни вылеплю — сплошное убожество. Отец вечно тыкал меня носом и ворчал, что любой подмастерье на заводе справился бы лучше. А я и не думал плакать! Гордо так ему отвечал: «Конечно лучше, они ведь этим всю жизнь на хлеб зарабатывают!» Отец тогда так багровел от злости, что у него волосы на голове дыбом вставали. А ты только-только за круг сел, чего реветь?

Фу Мянэ тут же шмыгнул носом, отчаянно загоня слёзы обратно.

Наблюдать за тем, как в мозолистых руках Да Миня неказистый ком глины послушно округляется и на глазах превращается в изящную чашечку, было для мальчика настоящим чудом.

Когда все три пары закончили работу над заготовками, внимание присутствующих мгновенно приковал результат совместных трудов Фу Чжэнтяня и Нин Сянлана. Из всей компании они были самыми младшими, но умудрились сотворить настоящее произведение искусства — изысканный чайный сервиз.

И пусть глина ещё не прошла обжиг, тонкие, неглубокие чашечки уже сейчас выглядели на редкость мило.

Но больше всего удивляло то, что они ухитрились вылепить даже чайник!

В гончарном деле круглыми изделиями называют посуду вроде пиал, блюдец и кубков — то, что можно сразу вытянуть на вращающемся диске, придав заготовке правильную форму. С резными же вещами всё куда сложнее: после формовки их приходится долго и кропотливо дорабатывать вручную — вырезать донышко, вытягивать горлышко, аккуратно крепить ручку и носик.

Словом, возиться с резными изделиями приходится в разы дольше, чем с обычной круглой утварью.

Глядя на мальчишек, которые были младше его чуть ли не на три десятка лет, Ху Гуанмин ощутил лёгкий укол белой зависти.

— Сяо Мянэ, — вздохнул он, шутливо подтолкнув притихшего Фу Мянэ, — даже не думай

сравнивать себя с этими монстрами.

Заметив, как сын и Нин Сянлан светятся гордостью, Фу Линь довольно улыбнулся.

Мать Фу тоже не скрывала восторга:

— Чжэнтянь, это ты для папы постарался?

Все знали, что Фу Линь души не чает в хорошем чае.

Однако юный наследник даже ухом не повёл, безжалостно разрушив нежные материнские иллюзии:

— Я поставил этот сервиз у себя в кабинете.

Мать Фу осеклась, приоткрыв рот от уверенности.

Впрочем, Фу Линь давно привык к колючему характеру сына и не упустил случая слегка его поддеть. Он ласково поманил Нин Сянлана:

— Сяо Лан, когда подрастёшь, вылепишь для дяди Фу по-настоящему хороший набор?

— Обязательно! — с готовностью отозвался Нин Сянлан, тактично проигнорировав повисшее в воздухе напряжение.

Фу Чжэнтянь едва заметно поморщился.

Нин Сянлан лишь лукаво прищурился в ответ.

Будет знать, как вредничать!

Для обжига изделий позвали нескольких опытных рабочих. Пока они разводили огонь и следили за жаром, Нин Сянлан крутился рядом, всюду расспрашивая их о тонкостях мастерства.

В своей прошлой жизни, когда Хуцзявань ещё процветала, он был слишком мал, чтобы вникать в устройство угольных печей. Позже, когда он занялся керамикой всерьёз, технологии ушли далеко вперёд, и старые конструкции практически исчезли.

Сейчас у него появился уникальный шанс наверстать упущенное.

Мальчик слушал затаив дыхание, стараясь запомнить каждую мелочь, а сам он смотрел с живым, недетским любопытством.

Фу Чжэнтянь молча стоял поодаль, внимательно прислушиваясь к разговорам. Изначально он согласился вложить деньги в Хуцзявань лишь ради того, чтобы перетянуть на свою сторону Нин Аньго. Но теперь, видя, как искренне Нин Сянлан привязан к этим местам, он вдруг поймал себя на мысли, что по-настоящему хочет сделать эту глухую деревню лучше.

Тогда Сяо Лан наверняка будет счастлив.

Размышляя об этом, Фу Чжэнтянь сам не заметил, как протянул руку и ласково взъерошил мягкие волосы на макушке мальчишки.

Нин Сянлан замер и медленно повернулся, наградив приятеля крайне подозрительным взглядом.

"Неужели этот парень — какой-то тайный любитель взъерошить чужие волосы?"

Поняв, что его поймали с поличным, Фу Чжэнтянь невозмутимо улыбнулся и, аккуратно сняв с его волос невидимую пылинку, ровным голосом произнёс:

— Сор сосновый пристал.

"Ну да, конечно, — мысленно фыркнул Нин Сянлан. — Сначала всю причёску разворошил, а потом соринки собирает. Точно что-то замышляет!"

За гончарными заботами время пролетело незаметно. К вечеру, когда тени удлинились, а с гор потянуло прохладой, Лао Ху уже накрыл для гостей богатый стол.

В марте горный воздух чист и свеж, а местная земля щедра на угощения. Хозяин дома не поскупился: щедро посыпал свежие речные креветки молодой ароматной периллой, обжарив их до хрустящей корочки; нарезал сочных ломтиков домашнего копчёного окорока и потушил их с нежными соцветиями цветной капусты. А главным украшением стола стала домашняя курица — сначала её долго томили в наваристом бульоне, а затем быстро обжарили в кипящем масле, пока кожица не превратилась в хрустящий янтарный панцирь.

Все лучшие деликатесы, что удалось раздобыть в горах, Ху Дэлай выставил перед гостями.

Едва завидев это пиршество, Нин Сянлан с радостным писком бросился на шею бабушке:

— Бабуля, ты у меня самая лучшая!

Лао Ху тут же шутливо насупился, грозно топорща усы:

— Ах ты, егоза неблагодарная! А креветки твои любимые, по-твоему, сами пожарились?

— И дедушка у меня самый лучший! — звонко рассмеялся мальчик, обняв и его.

— Лучший? Как же! — деланно проворчал старик. — Кто тут у нас вечно под ногами крутится да только порядка лишает?..

Жена Лао Ху укоризненно покачала головой:

— Да ладно тебе ворчать перед гостями. На людях ворчит, а сам каждый день уши мне прожужжал: «Когда там Сяо Лан приедет, без него в доме и поговорить не с кем, тоска зелёная!»

Пойманный с поличным, Лао Ху густо покраснел и поспешил перевести тему:

— Ну, гости дорогие, прошу к столу. Угощайтесь, не стесняйтесь!

В этот момент в дом тяжело дыша ворвался один из местных парней:

— Да Мин! Да Мин, беда! Нашу Минь-Минь на станции какой-то урод обижает!

Не успел Ху Гуанмин даже подняться со скамьи, как Нин Сянлан уже сорвался с места и выскочил за дверь:

— Кто посмел тронуть сестру Минь-Минь?!

Взволнованный Да Мин бросился следом, на ходу увлекая за собой племянника. Вестник бежал впереди, уводя их в сторону конечной остановки электромашин, и на бегу сбивчиво объяснял ситуацию:

— Да пьянчуга какой-то в вагон залез, буянит, ехать не даёт! То ли и правда лыка не вяжет, то ли притворяется, но к Минь-Минь так и лезет, гадости всякие говорит!

Ху Гуанмину дважды объяснять не требовалось. Он мгновенно помрачнел, а в глазах его

вспыхнул опасный огонёк:

— Совсем страх потеряли! В нашей Хуцзявани честных людей обижать?!

Чувствуя, что дело принимает интересный оборот, Нин Сянлан принялся подливать масла в огонь:

— Дядя, беги быстрее! Вдруг этот мерзавец уже руки распускает!

Только сейчас Ху Гуанмин сообразил, что на станции может завязаться нешуточная драка, и присутствие маленького племянника там явно лишнее.

— Сяо Лан, ты-то куда высунулся? — прикрикнул он на бегу. — А ну марш домой, не путайся под ногами!

— Ага, бегу уже! — послушно отозвался Нин Сянлан, даже не думая сбавлять шаг.

Рядом бесшумно пристроился Фу Чжэнтянь.

— Что стряслось? — спросил он, легко удерживая темп.

— На станции дебошир к водителю пристаёт, а за рулём электромашины — моя сестра Минь-Минь! — коротко пояснил Нин Сянлан.

— И кто она?

— Местная девушка, водит электромашину!

Тут до Фу Чжэнтяня наконец дошло. В последние годы в стране активно продвигали идеи равноправия, и во многих профессиях, которые раньше считались сугубо мужскими, начали появляться первые женщины-водители. Газеты Сичжоу всю трубили об этой «женской бригаде», не раз публикуя их фотографии на передовицах. Видимо, эта Чжан Минь была одной из них.

Мальчик молча продолжил бег.

А вот Нин Сянлан вдруг резко затормозил. До него наконец дошло: если там действительно назревает потасовка, двум малолетним барчукам соваться туда глупо. Его собственные ладони ещё пощипывало после недавней трёпки, и если он сейчас втянет наследника семьи Фу в уличные разборки, отец с него три шкуры спустит.

— Знаешь... пожалуй, нам лучше вернуться, — нерешительно произнёс Нин Сянлан.

Фу Чжэнтянь смерил его удивлённым взглядом. Заметив, как Сяо Лан то и дело боязливо потирает ладошки, он мгновенно всё понял. Он невольно лукаво усмехнулся. Затем он перехватил маленькую ручку приятеля, слегка сжав тёплые пальцы:

— Что, испугался, что дома добавки пропишут? А бежал-то как весело.

Нин Сянлан сокрушённо вздохнул:

— Брат Тянь, один твой вид заставляет меня трезветь.

В конце концов любопытство взяло верх, и мальчишки всё же добрались до конечной станции.

К их прибытию Ху Гуанмин уже полностью взял ситуацию под контроль. Дебошир был благополучно обезврежен и намертво прикручен толстой пеньковой верёвкой к одному из пассажирских сидений.

Рядом, заметно побледневшая и всё ещё подрагивающая от пережитого страха, стояла Чжан Минь.

Этого пассажира она знала в лицо — он уже не раз ездил её маршрутом. Обычно этот тип держался развязно, отпускал двусмысленные шуточки и всячески испытывал её терпение. Иногда он приводил с собой дружков; они катались туда-сюда до самого кольца, громко хохотали и травили сальные анекдоты.

Обладая боевым характером, Чжан Минь не раз выставляла наглецов вон. На какое-то время они притихли, но сегодня этот мерзавец явился в одиночку, да ещё и в стельку пьяным.

Работа на электромашине и без того требовала колоссального напряжения, а тут ещё и эта безобразная сцена. Девушка чувствовала себя совершенно опустошённой. Но едва её взгляд встретился с запыхавшимся, решительным Ху Гуанмином, сердце в её груди забилося как сумасшедшее.

Поняв, что худшее позади, Нин Сянлан шмыгнул в салон и крепко ухватил Чжан Минь за руку:

— Сестра Минь-Минь, ты как? Этот гад тебя не тронул?

Девушка попыталась выдавить улыбку, не желая пугать ребёнка:

— Всё хорошо, Сяо Лан. Твой дядя подросел как раз вовремя...

— Ох, мы так за него боялись! — картинно вздохнул Нин Сянлан, состроив самую жалостливую гримасу. — Дядя в последнее время совсем себя не бережёт — работает день и ночь, спит от силы пару часов. Я так испугался, что у него просто не хватит сил справиться с этим верзилой!

Сердце Чжан Минь болезненно сжалось.

— И ведь некому даже позаботиться о нём, напомнить, чтобы поел вовремя или отдохнул, — продолжал сокрушаться маленький провокатор.

В вагоне ехало немало местных жителей. Услышав причитания мальчика, они тут же смекнули, к чему клонит хитрый малец.

— Минь-Минь, детка, да ведь Да Мин ради тебя на всё готов, мы же не слепые! — донеслось из глубины салона. — Соглашайся уже, парень-то золотой!

— И то правда! Чего тут думать, соглашайся!

— Соглашайся! Соглашайся! — дружно подхватил весь вагон.

Лицо Чжан Минь залило густой краской. Заметив её замешательство, Ху Гуанмин зычно крикнул на весь салон:

— А ну тихо! Хватит балаган устраивать! — Угмонив толпу, он повернулся к девушке и осторожно взял её за руки. Взгляд его был твёрд и полон нежности. — Такие слова не должны говорить посторонние. Я сам всё скажу.

Пассажиры затаили дыхание.

— Минь-Минь, сегодня всё могло закончиться очень плохо. Если бы этот ублюдок набросился на тебя во время движения, пострадал бы весь вагон. Сейчас я провожу тебя в участок, мы заставим полицию завести на него дело за создание угрозы общественной безопасности. А после этого ты возьмёшь отпуск и приедешь к нам на Шэнлун-яо, побудешь там несколько дней. Если тебе понравится наша жизнь — оставайся со мной насовсем. Раньше я молчал, потому что уважал твой выбор — ты всегда хотела водить машины и делала свою работу лучше многих. Но сегодня я побуду эгоистом. Минь-Минь, я хочу, чтобы ты разделила мою жизнь и помогла мне удержать нашу половину неба.

От этих простых, но таких искренних слов у Чжан Минь перехватило дыхание, а на глаза навернулись слёзы.

О такой любви — основанной на взаимном уважении и равенстве — она мечтала всю жизнь. Разве могла она ответить отказом?

Встретившись взглядом с Ху Гуанмином, она едва заметно, но решительно кивнула. Счастливый Да Мин тут же сгрёб её в охапку, прижав к своей широкой груди.

Девушка зажмурилась и крепко обняла его в ответ.

Нин Сянлан первым восторженно захлопал в ладоши.

Аплодисменты мгновенно подхватили остальные пассажиры, и вскоре радостный гул заполнил весь салон электромашины.

Опомнившись, Чжан Минь смущённо высвободилась из объятий жениха, сердито зыркнув на ухмыляющегося Да Миня — нашли, мол, место для нежностей.

Ху Гуанмин лишь весело расхохотался и легонько подтолкнул племянника к выходу:

— Сяо Лан, беги скорее к дедушке! Передай, что сегодня я приведу Минь-Минь к нам в дом!

— Слушаюсь! — звонко крикнул мальчик и, подхватив Фу Чжэнтяня за руку, весело помчался обратно.

Они бежали вдвоём сквозь мягкие сумерки мартовского вечера. Прохладный весенний ветер ласкал лицо, а на душе у Фу Чжэнтяня было на редкость легко и покойно.

Рядом с этим несносным мальчишкой даже самые простые вещи казались наполненными искренней, чистой радостью.

<http://bllate.org/book/20435/2162665>